

Соціальный вопросъ и свобода

Соціальный вопросъ сохраняетъ для насъ все ту же остроту, какую онъ имѣлъ для XIX вѣка. Для современнаго общества это загадка сфинкса, не разрѣшить которой значитъ погибнуть. Однако, со времени войны постановка его совершенно измѣнилась. Это измѣненіе такъ значительно, что человѣкъ, соціальное сознание котораго воспитано въ обстановкѣ начала XX вѣка, рискуетъ ничего не понять въ соціальной современности. Во всякомъ случаѣ ему надо переучиваться съ азавъ.

Прежде всего, социализмъ (беремъ это слово въ его самомъ широкомъ значеніи) утратилъ весь привкусъ утопичности и максимализма, который превращалъ его въ «музыку будущаго». Социализмъ есть самый практический, очередной и неотложный вопросъ современности. Въ эру социализма мы уже вступили, не замѣтивъ этого, какъ не сразу замѣчаетъ путникъ въ горахъ надвинувшагося на него облака. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ «соціальной революціи», грань, отдѣляющая буржуазное общество отъ пролетарскаго, въ сознаніи социалистовъ совпала съ «завоеваніемъ» ими политической власти. Этотъ моментъ давно уже позади насъ — съ тѣхъ поръ, какъ социалисты управляютъ или управляли государствами половины Европы. Правда, ихъ появленіе у власти почти ни въ чемъ не отразилось на экономическомъ строѣ. Но это уже связано съ огромными трудностями соціального преобразованія общества — трудностями, впервые открывшимися для самихъ социалистовъ. По крайней мѣрѣ, въ одномъ величайшемъ государствѣ Европы, гдѣ правятъ люди, свободные отъ этическихъ и разумныхъ предпосылокъ, социализмъ осуществляется всерьезъ воть уже 14-ый годъ, и не одинъ десятокъ миллионъ людей пали жертвой этого соціального эксперимента.

Вторая особенность современнаго соціального вопроса — въ томъ, что онъ по содержанию своему уже не совпадаетъ съ вопросомъ рабочимъ. Все общество въ цѣ-

ломъ страдаетъ отъ потрясеній разладившагося хозяйственного механизма. Есть общественныя группы, которыя оказались беззащитнѣе передъ кризисомъ, чѣмъ пролетаріатъ. Благодаря мощи своихъ политическихъ и экономическихъ организацій, рабочій классъ во многихъ странахъ застраховалъ себя отъ безработицы государственной помощью. Пролетаріатъ уже пересталъ быть послѣднимъ изъ обездоленныхъ. Но широкіе слои интеллигенціи, ремесленниковъ и крестьянства совершенно безпомощны передъ бѣдой. И, наконецъ, «молніи разятъ самыя высокія вершины». Каждый биржевой крахъ влечетъ за собою рядъ самоубійствъ среди вчерашнихъ властителей міра. Въ Америкѣ уже открываются убѣжища для разорившихся милліонеровъ. Въ современныхъ экономическихъ буряхъ никто не можетъ почитать себя въ безопасности.

Если для рабочаго класса социализмъ по прежнему можетъ представляться дѣломъ справедливости, и пафосъ равенства (ненависть къ неравенству) опредѣляетъ его классовую борьбу, то для интеллигенціи и другихъ слоевъ, вовлеченныхъ въ социальное движеніе, дѣло идетъ не о равенствѣ и даже не о справедливости, — а о существованіи. Поскольку движеніе получаетъ объективную идеологическую санкцію, оно находитъ ее не въ классовомъ интересѣ, но и не въ этическомъ требованіи, а въ государственной необходимости. И въ этомъ третья существенная черта новаго «социализма». Такъ условимся называть въ дальнѣйшемъ анти-буржуазныя движенія нашего времени, враждебныя пролетарскому социализму: фашизмъ, національный социализмъ и проч.

Старый социализмъ могъ глубоко скрывать свое этическое жало — отчасти изъ цѣломудрія, отчасти по недомыслию или желчности темперамента. Его гуманитарная основа сохранялась даже въ марксизмѣ. Въ извращенно-отрицательныхъ реакціяхъ — ненависти и злобы — догаралъ зажженный гуманистами 30-хъ годовъ костеръ состраданія и ненавидящей любви. Революционный социализмъ вырастаетъ изъ тѣхъ же слоевъ сердца, что «Бѣдные Люди» Достоевскаго или «Отверженные» Гюго. Его упадочная линія развитія ведетъ черезъ состраданіе — справедливость — интересъ. Но до нашихъ дней притокъ интеллигенціи въ социалистическія партіи былъ бы немислимъ, если бы въ социализмѣ не сохранялся — пусть самый

слабый — запахъ выдыхающейся эссенціи романтическихъ 30-хъ годовъ.

Новый социализмъ начисто свободенъ не только отъ романтизма, но и отъ морализма вообще. Отправляясь не отъ защиты угнетенныхъ, а отъ сохраненія общества въ цѣломъ, онъ проникнуть пафосомъ не справедливости, а организациі. Современное общество кажется ему не то что корыстнымъ, тираническимъ, жестокимъ, но прежде всего плохо организованнымъ. Отъ анархіи буржуазнаго общества онъ обращается не къ идеальной анархіи будмаго, а къ порядку и мощи реального, національнаго государства. Это государство давно уже крѣпнеть, вмѣстѣ съ упадкомъ либерализма. Война сдѣлала его на время почти всемогущимъ. Свобода, жизнь всѣхъ гражданъ, хозяйственный строй, представлявшійся мистически неприкосновеннымъ, оказались на годы въ неограниченной власти государства. Воспоминаніе о дняхъ этого героическаго деспотизма вдохновляетъ нынѣ, въ эпоху буржуазнаго безсилія, передъ лицомъ все новыхъ грозныхъ кризисовъ. Война дала почувствовать мощь организациі и обаяніе мощи. Пафосъ борьбы и побѣды, державшій въ напряженіи сотни милліоновъ людей, дѣйствительно оказывается выраженіемъ воли къ мощи: *Wille zur Macht*. Само по себѣ начало организациі, какъ порядка, можетъ быть упоительно для прусскаго чиновника или для голландскаго лавочника. Но не ему, не этому началу консервативнаго порядка вдохновить выкормленное кровью поколѣніе. Лишь въ соединеніи съ соблазномъ мощи организациі увлекаетъ новыхъ революціонеровъ. Новый социальный идеалъ оказывается родственнымъ идеалу техническому, какъ бы социальной транскрипціей техники: социальнымъ конструктивизмомъ. Новый человекъ хочетъ строить новый городъ изъ огромныхъ глыбъ человѣческихъ массъ, и государство представляется для его сожженной совѣсти, для его оскудѣвшаго разума единственнымъ и при томъ безграничнымъ источникомъ энергіи. Оно должно поставить на службу себѣ всѣ силы и способности человека, сковать всѣ классы цѣпью социальнаго долга и разрѣшить, наконецъ, проблему разумнаго хозяйства и всеобщей обезпеченности.

Въ послѣдней войнѣ государство прикрывало свое абстрактно-идеальное начало живой національной плотью. Люди умирали не за государство, а за родину. Небывалый

въ исторіи разливъ національныхъ страстей былъ порожденіемъ войны. Нація оказалась сильнѣе класса, сильнѣе религіи. Нація все еще полна обаяніемъ безсознательно-творческихъ энергій, въ ней живущихъ, дорогихъ красотой и правдой все еще не до конца омертвѣвшихъ стихій народной души. И новые социальныя строители эксплуатируютъ романтическія чувства, безъ которыхъ все еще не можетъ обойтись человѣчество: только социальный романтизмъ уступилъ мѣсто національному. Для многихъ дѣятелей движенія национализмъ является не приправой необходимой демагогіи, а подлинной его природой. Во всякомъ случаѣ, онъ единственный идеальный его стержень, соответствующій моральнымъ двигателямъ стараго социализма.

Государство и нація доселѣ (въ концѣ XIX — началѣ XX в.) принадлежали къ консервативнымъ цѣнностямъ политики. Новый «социализмъ», вдохновляясь ими, показываетъ свое анти-революціонное происхождение. Дѣйствительно, встрѣча его со старымъ социализмомъ на полѣ социальной программы вторична и онтологически случайна. Въ одномъ актѣ стремятся выразить себя противоположныя энергіи духа. Новый «социализмъ» есть послѣднее слово социальной реакціи. Нельзя говорить о консерватизмѣ движенія, стремящагося ниспровергнуть существующій, капиталистическій строй. И, хотя слово «реакція» многозначно, его можно употреблять для характеристики всѣхъ силъ, которыя въ новое время, принципиально и радикально, возстали на міръ идей, породившихъ Великую Революцію или порожденныхъ ею. Для этого идейнаго комплекса, для всего существеннаго и пребывающаго въ немъ есть одно объемлющее слово: свобода, а отрицаніемъ свободы опредѣляется природа реакціи.

Въ наше время умышленно не желаютъ понимать значенія слова «свобода» и требуютъ его строгаго опредѣленія. Строгое опредѣленіе свободы встрѣчаетъ большія философскія трудности, а отсюда заключаютъ съ послѣднимъ торжествомъ о пустотѣ и бессодержательности самой идеи. Какъ будто бы легко опредѣлить «любовь» или «родину», или даже «націю». И будто бы нужно сперва найти опредѣленіе націи или отечества, чтобы умереть за нихъ. Еще не совсѣмъ сошло въ могилу то поколѣніе — поколѣнія — которое умѣло умирать за свободу, какъ за величайшую святыню, не спрашивая ея философскихъ

опредѣлений. Вѣра не тождественна съ богословіемъ. Существенно не содержаніе свободы, а вѣра въ свободу или пафосъ свободы. Къ тому же въ политической жизни рѣчь идетъ не о метафизической, а о соціальной свободѣ: объ уменьшеніи зависимости, о возрастаніи самоопредѣленія личности по отношенію къ обществу и прежде всего къ государству; такимъ образомъ свобода получаетъ достаточно опредѣленное содержаніе. Правда, это содержаніе должно быть еще болѣе уточнено, чтобы получить дѣловую пригодность въ политической работѣ нашего времени.

Когда-то, особенно въ серединѣ XIX вѣка, консерваторы любили противопоставлять свободѣ порядокъ: не власть, не мощь, какъ біологически-эстетическую цѣнность, а именно порядокъ. Любопытно, что съ того времени (1848 г.) буржуазія чувствуетъ себя на сторонѣ порядка, хотя социализмъ, и старый и новый, не перестаетъ упрекать ее въ анархизмъ. Старый «порядокъ» и новая «организация», казалось бы, чрезвычайно близки по своему значенію. Однако порядокъ выражаетъ болѣе статическую, данную сторону соціальной организаци; организаци въ современномъ смыслѣ — творчество новаго порядка. Но и порядокъ и организаци суть силы, ограничивающія свободу, частично или цѣликомъ отрицающія ее.

Дѣйствительно, всякое соціальное строительство совершается за счетъ свободы личностей, урѣзывая, умаляя ее. Всякій законъ, всякій уставъ, образованіе каждой, хотя бы совершенно свободной корпораціи означаетъ отказъ (или принужденіе къ отказу) личности отъ нѣкоторой доли ея правъ. Личная свобода есть матерія, изъ которой не можетъ быть неистощимымъ; онъ расходуется и не пополняется ничѣмъ. Это значитъ, предѣлъ всякой общественной организаци есть всеобщее рабство. Противоположный, низшій предѣлъ организаци есть полная соціальная нагота, анархія, свободная и жестокая борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Между этими двумя границами совершается колебаніе соціальныхъ приливовъ и отливовъ. Средневѣковье знало широкую свободу личностей (феодалныхъ) и группъ (корпорацій) — правда, на фонѣ массовой несвободы сервовъ. Абсолютная монархія новаго времени подчинила буйную феодальную свободу всеобщему порядку. Окостенѣлая стѣснительность этого поряд-

ка вызвала взрывъ буржуазнаго освобожденія, пытавшася построить жизнь на свободной игрѣ силъ. Нынѣ государство, питаемое социальной идеей, собирается положить конецъ этой свободѣ и возстановить свой, столь недавно поколебленный абсолютизмъ. Въ Италиі и Россіи оно утверждаетъ себя съ такой беспощадностью, какъ ни одна тиранія временъ Возрожденія, оставляя позади себя даже крѣпостную имперію Діоклетіана и Константина. Фашистское государство Италиі представляется болѣе зрѣлымъ и зловѣщимъ въ своемъ холодномъ демонизмѣ, чѣмъ остревѣлое безуміе коммунизма. Коммунизмъ въ Россіи живетъ еще безсознательнымъ отголоскомъ Великой Революціи. Утверждая себя, какъ диктатуру класса, обреченнаго на уничтоженіе въ процессѣ революціи, онъ самъ признаетъ свою переходность и временность. Фашизмъ сознаетъ себя Имперіей, которая хочетъ быть вѣчной, какъ Римъ. И коммунизмъ, и фашизмъ выходятъ далеко за грани только экономической или социальной реконструкціи общества. Для фашизма эта задача даже явственно оказывается на второмъ планѣ. Но они оба стремятся къ полному овладѣнію человѣческой личностью, къ совершенному использованию ея въ интересахъ государства. Работникъ, солдатъ, производитель — вотъ все, что остается отъ человѣка. Государство не оставляетъ ни одного угла въ его жилищѣ, ни одного угла въ его душѣ внѣ своего контроля и своей «организациі». Религія, искусство, научная работа, семья и воспитаніе — все становится функцией государства. Личность теряетъ до конца свое достоинство, свое отличіе отъ животнаго. Для государства-звѣря политика становится человѣческой отраслью животноводства. Ясно, что такое самосознаніе государства несовмѣстимо съ христіанствомъ. Въ явной или скрытой формѣ война христіанству объявлена въ коммунистической Россіи, въ фашистской Италиі, въ гитлеровской Германіи. Лишь русскіе эмигрантскіе варианты національнаго социализма любятъ рядиться въ православные цвѣта. Впрочемъ, православіе ихъ при этомъ неизбѣжно теряетъ христіанское содержаніе, превращаясь въ національно-бытовой, полудызычскій ритуализмъ.

Какія силы въ мірѣ противостоятъ этому натиску универсальнаго деспотизма, на стражѣ свободы? Въ теченіе полутора вѣковъ свобода во всѣхъ ея аспектахъ — какъ свобода политическая, экономическая и духовная — была:

связана съ судьбой одного класса — буржуазин. Ея гегемонія въ современномъ обществѣ сообщаетъ ему характеръ самаго свободного изъ когда-либо существовавшихъ на землѣ. Повидимому, это не было случайностью. Не разъ въ исторіи торжество буржуазин было отмѣчено расцвѣтомъ свободы: въ демократіяхъ Греціи, въ средневѣковыхъ коммунахъ, въ вѣчевыхъ народоправствахъ Руси. Въ виду различія духовныхъ основъ этихъ культуръ, объединяющее ихъ свободолюбіе буржуазин слѣдуетъ объяснить ея своеобразной ролью въ общественно-хозяйственной жизни. Буржуазія несетъ съ собой начало личной инициативы, сознательнаго расчета, свободной и личной организациіи производства. Пусть иногда она не отказывается отъ помощи и привилегій государства. Въ основномъ она держится на вѣрѣ въ собственные усиленныя экономически-творческой личности. Буржуазія проникнута извѣстнымъ недоувѣріемъ къ государству, къ его вмѣшательству во всѣ жизненныя сферы. Она придерживается государственнаго минимализма. Защищая прежде всего свою свободу хозяина, свободу хозяйственнаго творчества, она психологически приходитъ къ признанію свободы вообще: свободы гражданина, свободы разума и совѣсти. Есть одна сфера духовной свободы, которая совершенно непосредственно связана съ буржуазнымъ сознаніемъ: это свобода мысли. Мысль для буржуа есть непремѣнное и постоянное условіе его собственнаго хозяйствованія: строгая, аналитическая и синтетическая, вполне наукообразная мысль, которая отличаетъ рационализмъ буржуазной экономики отъ другихъ, традиціонныхъ и социально-связанныхъ хозяйственныхъ формъ. Творческая психологія капитализма сродни психологіи науки. Буржуа всегда поддерживаетъ критическую пытливость ученаго, и XIX вѣкъ, губительный для многихъ отраслей духовной культуры, оказался исключительно счастливымъ для научнаго творчества. Но духъ науки — это духъ свободы.

Буржуазія европейскихъ обществъ пережила очень сложную и бурную исторію. Въ процессѣ ея буржуазное обоснованіе свободы мѣняло свою идеологію. Въ началѣ новыхъ столѣтій это обоснованіе имѣетъ строго христіанскій характеръ. Первый капиталистъ проявляется передъ нами въ обликѣ суроваго протестанта. Пуританинъ, онъ протестуетъ противъ роскоши и легкомыслія католически-дворянскаго «свѣта», онъ замыкается въ своей семьѣ,

противопологая ее, какъ свой «замокъ», государству. Его нравственный идеаль построенъ на вѣрности и честности, строгости къ себѣ и другимъ. Это мораль долга, ветхозавѣтная по своей религіозной природѣ и охотно облакающаяся въ библейскія одежды. За свою вѣру, за свое «истинное» христіанство, въ его личномъ духовномъ пониманіи, буржуа готовъ идти въ изгнаніе и на смерть. Свобода, за которую онъ борется, есть прежде всего свобода христіанина — *Freiheit eines Christenmenschen* — противопологаемая имъ государству и его религіозному принужденію.

За этой ранней, англо-саксонской формацией буржуазіи слѣдуетъ вторая, континентальная, преимущественно французская, торжество которой связано съ цикломъ европейскихъ революцій. Ея религія уже потеряла христіанскій характеръ. Это религія гуманизма, въ оптимистической транскрипціи XVIII вѣка. Ученики Руссо и Бентама вѣрятъ въ мудрость природы и благость человѣка. Свобода является простымъ выводомъ изъ предпосылки натуральной гармоніи. Изъ свободной игры личныхъ силъ создается общее счастье. Поменьше организаціи; законы — цѣпи. Долгъ совпадаетъ съ торжествомъ личной воли. Здѣсь революціонные романтики и сухіе утилитаристы (Гюго и Бентамъ) стоятъ на общей почвѣ: даютъ разное окрашенныя, но по существу тождественныя обоснованія буржуазной свободы.

Въ наши дни отъ этого гуманитарнаго оптимизма почти не осталось и слѣдовъ. Въ странахъ его былого господства его смѣнилъ скептицизмъ, отрицающій возможность познанія абсолютной истины. Скептицизмъ слѣдался основой буржуазнаго сознанія во Франціи, гдѣ онъ продолжаетъ старую классическую и аристократическую традицію. Строящаяся на немъ культура носить явно упадочный характеръ. Въ этой фазѣ буржуазія наследуетъ имморализмъ дворянскаго возрожденія. Свобода, которой по прежнему дорожить буржуазія, имѣетъ для нея двойкій смыслъ: возможно болѣе удобнаго наслажденія жизнью и нестѣсненнаго упражненія интеллекта. Свобода мотивируется въ наши дни чаще всего невозможностью познанія истины и вмѣстѣ съ тѣмъ интересомъ (и полезностью) ея исканій. Свобода ученаго защищается буржуазнымъ невѣріемъ, какъ свобода художника — буржуазной похотливостью. Это не мѣшаетъ наукѣ и искусству

нашего времени — отнюдь не буржуазнымъ — быть творческими, въ высшей мѣрѣ, нежели творчество предыдущаго поколѣнія: содержать въ себѣ болѣе духовныхъ, даже религіозныхъ цѣнностей. Не рѣдко социальная функция духовной дѣятельности совершенно не соответствуетъ ея внутренней цѣнности. Въ эпоху абсолютной монархіи искусство было формой придворной роскоши. Наука и въ наше время обслуживаетъ прежде всего профессиональныя потребности.

Остается фактомъ, что никогда въ мѣрѣ свобода, даже свобода высшей духовной дѣятельности не была болѣе уважаема, лучше защищена, нежели въ вѣкъ буржуазнаго скептицизма. Но эта защита не прочна. Болѣе того, буржуазія компрометируетъ свободу своимъ покровительствомъ. Есть всѣ основанія опасаться, что социальное паденіе буржуазіи увлечетъ за собой и паденіе свободы. Уже сейчасъ самая сильная ненависть къ свободѣ питается справедливымъ отвращеніемъ къ природѣ современнаго буржуа. Свобода должна найти для себя болѣе прочное обоснованіе, нежели буржуазный скептицизмъ. Иначе она будетъ сметена тѣмъ или инымъ фанатизмомъ, который идетъ ему на смѣну. Скептицизмъ есть жизненная установка умирающихъ классовъ.

Однако, не слѣдуетъ забывать, что духовная упадочность характеризуетъ буржуазію главнымъ образомъ романской Европы: ту, которая пришла къ власти вмѣстѣ съ Революціей. Англо-саксонскій, отчасти германскій мѣръ еще хранить вѣру реформации, и его христіанство обладаетъ большою жизненной активностью. Кальвинистическая буржуазія въ не малыхъ слояхъ своихъ имѣетъ чувство социальной отвѣтственности и, предъ лицомъ наступающаго кризиса, ищетъ выхода, хочетъ участвовать въ поискахъ общественнаго строя.

И еще: когда мы произносимъ свой окончательный судъ надъ буржуазіей, нужно помнить все ея великое и героическое прошлое: вѣка борьбы за свободу и достоинство человѣческой личности, самоотверженный подвигъ изслѣдованія міра, трагическія исканія цѣлостнаго міровоззрѣнія, — все, надъ чѣмъ занесенъ сейчасъ топоръ варвара. Буржуазія не была создательницей гуманизма, но судьбой своей она поставлена на стражѣ его. Она связана съ нимъ общимъ грѣхомъ, и вмѣстѣ съ нимъ живетъ подъ угрозой кошмарной расплаты.

Свобода имѣеть въ современномъ мірѣ, кромѣ буржуазіи, еще одного защитника: партіи стараго «демократическаго» социализма. Его прошлое, самое рожденіе его, казалось, не предназначало его къ этой роли. Противникъ буржуазіи, привыкшій превращать отрицанія въ утвержденія, социализмъ, исторически и логически, долженъ былъ защищать начало организации противъ свободы. Въмѣстѣ съ Лассалемъ онъ издѣвался надъ либеральнымъ пониманіемъ государства, какъ «ночного сторожа». Онъ совершилъ немало грѣховъ противъ политической свободы въ средниѣ XIX вѣка. Это онъ содѣйствовалъ — не только косвенно, но и прямо, рабочимъ голосованіемъ, — установленію II имперіи во Франціи. Онъ вмѣстѣ съ Марксомъ и русскими народниками перваго призыва отрицалъ всеобщее избирательное право и политическую демократію. Но времена измѣнились, и социализмъ давно уже сталъ синонимомъ европейской демократіи. Въ самомъ рожденіи своемъ социализмъ несетъ печать двойственности. Какъ отрицаніе буржуазіи и революціи, приведшей ее къ власти, онъ съ самаго начала имѣлъ въ себѣ черты авторитарнаго міровоззрѣнія. Таковъ социализмъ Сень-Симона. Таковъ социализмъ всѣхъ утопій, многія изъ которыхъ (Моръ, Кампанелла) восходятъ къ традиціямъ аболотизма. Таковъ социализмъ многихъ реакціонеровъ XIX вѣка, Родбертуса и Рёскина — правда, лишенный актуальнаго значенія. Но исторически социализмъ сформировался, какъ лѣвый флангъ революціоннаго движенія. Еще въ 40-хъ годахъ социалисты сражались плечомъ къ плечу съ буржуазными демократами. Вѣяніе Великой Революціи колыхало красное знамя. Ставя удареніе на равенствѣ, социалисты не отвергали и свободы. Далекіе отъ отрицанія революціи, они лишь хотѣли слѣлать изъ нея послѣдніе выводы: равенство — экономическое; свобода — для всѣхъ. Это сглаживало анти-либеральные шипы социализма, помогало его буржуазному перевоспитанію.

Что касается Маркса, то онъ стоитъ посрединѣ между революціоннымъ и реакціоннымъ теченіями социализма. Онъ, несомнѣнно, глубоко неavidѣлъ идейное содержаніе буржуазной революціи: свободу, равенство и братство. Но столь же несомнѣнно, онъ принималъ ея разрушительное дѣло. При всемъ теоретическомъ конструктивизмѣ своего ума, Марксъ не интересовался строительствомъ жизни. Онъ не удосужился хотя бы намекнуть на то, какъ будетъ

выглядѣть осуществленный социализмъ. Разрушеніе — точнѣе, построеніе мощныхъ машинъ для разрушенія — было единственнымъ смысломъ его жизни. Поскольку ненависть къ личности и свободѣ въ немъ доминируетъ, его психическій типъ приближается къ типу реакціонера. Да и въ своихъ непринужденныхъ личныхъ оцѣнкахъ онъ всегда предпочиталъ дѣятелей реакціи либераламъ. Его ученикамъ пришлось много потрудиться, чтобы отмыть черную краску съ портрета учителя.

Лассалевцы духовно побѣдили въ лагерѣ нѣмецкаго социализма и превратили партію социальнаго переворота въ партію социальной демократіи. Германская партія, въ свою очередь, на своихъ дрожжахъ подняла весь европейскій социализмъ. Въ настоящее время онъ оказывается почти тождественнымъ съ европейской демократіей. Исчезновеніе либеральныхъ партій въ Англіи и Германіи показываетъ, что социализмъ впиталъ въ себя все содержаніе буржуазной демократіи — безъ экономическаго либерализма, конечно, отвергнутаго жизнью. Замѣчательно, что возвышія опредѣленія демократіи — ея природы и ея идеи — страннымъ образомъ отправляются не отъ власти народа, но отъ цѣнности личности. Но личность и ея свобода составляютъ метафизическое основаніе либерализма. Это значитъ, что подъ демократіей въ настоящее время понимаютъ либерализмъ, имя котораго скомпрометировано устарѣлой экономической доктриной. Какъ ни странно сказать, но либерализмъ, социально окрашенный, составляетъ главное содержаніе и современнаго социализма. Вотъ почему либеральная буржуазія Европы охотно поддерживаетъ социалистическія правительства: ей при этомъ почти не приходится приносить жертвъ. Подобно тому, какъ буржуазія получила въ наслѣдство отъ дворянства сознаніе личнаго достоинства и общую культуру, такъ пролетаріатъ дѣлается наслѣдникомъ буржуазной культуры и свободы.

Однако, это наслѣдіе буржуазіи далеко не безвредно для социализма. Чего стоитъ одна прививка буржуазнаго міросозерцанія! Это настоящая отравка, которая вошла въ тѣло социализма — съ самаго его рожденія. Если дворянство привило буржуазіи духъ Вольтера, то буржуазія пролетаріату — догматическій материализмъ. Отсюда вырастаетъ мелкая и даже пошлая система жизненныхъ и нравственныхъ цѣнностей, которая воспитываетъ въ рабочемъ,

едва остывшемъ отъ революціоннаго пыла, гедонизмъ мелкаго буржуа. Матеріальный подъемъ рабочаго класса составляетъ громадную заслугу социальнаго движенія XIX вѣка. Однако, оборотной стороной ея является вывѣтриваніе социальнаго идеала. По мѣрѣ того, какъ рабочій входитъ въ мѣръ интересовъ буржуазнаго общества, участвуетъ въ его управленіи и защитѣ, онъ все менѣе думаетъ о его переустройствѣ. Всѣ силы социализма въ Германіи направлены на защиту республики, въ Англіи — на управленіе міровой Имперіей въ духѣ національнаго либерализма. Это великія и достойныя задачи. Но во Франціи уже социализмъ представляетъ просто отрядъ радикализма, занятаго травлей кюре и борьбой за парламентскія кресла. Гипертрофія политики замѣчается всюду: и это въ то время, когда значеніе политическихъ проблемъ во всемъ мѣрѣ отходитъ назадъ передъ проблемами экономическими. Демократическій социализмъ сейчасъ нигдѣ не имѣетъ продуманной и глубокой социальной программы. Ему нечего противопоставить соблазнительнымъ демагогическимъ лозунгамъ гитлеровцевъ и коммунистовъ.

Эта социальная немощь лишь отчасти объясняется «остепененіемъ» стараго социализма, пониманіемъ всей трудности социальной проблемы. Отсутствіе настойчивыхъ исканій, постояннаго упора въ этой области свидѣлствуютъ объ общемъ буржуазномъ перерожденіи.

Социальный консерватизмъ стараго социализма объясняетъ успѣхъ коммунизма въ рабочей средѣ Европы. Коммунизмъ одинъ ставитъ социализмъ въ порядокъ дня и обѣщаетъ быстрое и легкое его завоеваніе. Какъ идеологическое явленіе, коммунизмъ не предоставляетъ ничего новаго. Это уцѣлѣвшій обломокъ лѣваго социализма, второящаго допотопный марксизмъ 40-хъ годовъ. Однако, торжество его въ Россіи сообщаетъ ему новую и опасную опредѣленность. Оставимъ въ сторонѣ чисто русскую природу большевизма и взглянемъ въ его европейское лицо. Ленинъ стоитъ ближе всѣхъ къ Марксу «Коммунистическаго Манифеста». Но оставленную Марксомъ безсодержательную формулу диктатуры пролетаріата онъ дополняетъ опредѣленнымъ содержаніемъ: полицейскимъ абсолютизмомъ рабочаго государства. Тѣмъ самымъ черная краска снова густо ложится на красный портретъ Маркса. Отъ революціоннаго фашизма коммунизмъ отдѣляется лишь классовая рабочая структура государства и —

до времени, или по видимости — внѣнаціональный характеръ государства. Вліяніе Москвы въ революціонной Европѣ, подражательность западныхъ учениковъ не сулитъ ничего добраго въ случаѣ переворота. Послѣ Ленина пролетарская революція въ Европѣ означаетъ политическую и духовную реакцію.

Такъ два социальныхъ стана стоятъ другъ противъ друга: черно-красное знамя социальной революціи и блѣдно-розовое — социального порядка и свободы. Побѣда означаетъ построение рабочей или внѣклассовой деспотіи съ подавленіемъ духовной культуры и медленнымъ угасаніемъ культуры вообще. Побѣда второго не общаетъ выхода изъ тупика. Не разрѣшившая экономической проблемы Европа идетъ отъ кризиса къ кризису, къ обнищанію и упадку. Но лишь въ этомъ станѣ, хотя слабыми руками и устарѣвшимъ сознаніемъ, готовы защищать свободу.

Гдѣ же выходъ? Гдѣ та сила, третья между двумя противниками, которая способна начать творческое возрожденіе? Которая означала бы не свободу противъ строительства, и не революцію противъ свободы, а свободное строительство?

Изъ анализа разрушительныхъ идей нашего времени уже вытекаетъ структура творческой идеи-силы: она должна соединить въ себѣ утвержденіе свободы и утвержденіе организаціи. Какъ возможно это, если организація покупается за счетъ свободы? Очевидно, путемъ самоограниченія свободы. Но для того, чтобы это самоограниченіе свободы было дѣйствительно свободнымъ актомъ, а не стыдливой формой насилія, въ свободѣ должны быть определены разные уровни глубины или разные степени онтологической реальности. Утверждая себя на послѣдней глубинѣ, въ подлинной реальности своего бытія, свобода можетъ и должна ограничить нѣкоторыя свои обнаруженія: во внѣ, въ быту, въ жизненно-хозяйственномъ порядкѣ. Во имя чего? Во имя уваженія къ свободѣ другихъ людей, ихъ жизни, ихъ достоинству, ихъ спасенію. Экономическій строй капиталистическаго общества уничтожаетъ реальную свободу массъ, свободу ихъ духовной жизни, даже свободу ихъ труда ради проблематической хозяйственной свободы немногихъ. Экономическая свобода приводитъ, въ масштабѣ цѣлаго общества, къ своему собственному отрицанію. Она и должна быть ограничена, подобно тому, какъ неизбѣжно ограничивается, въ процессѣ

осложненія цивилизаціи, свобода внѣшняго быта: постройки жилищъ, движенія по улицамъ и дорогамъ, даже шумовъ и звуковъ. Теоретически это давно и всѣми признано. Но жизнь требует не маленькихъ жертвъ, не фискальныхъ и полицейскихъ ограниченій, а широкаго и смѣлаго плана социальной реформы. Подобно тому, какъ въ наши дни строятся по плану новые города, города-сады, такъ же долженъ быть созданъ и осуществленъ планъ новаго общественнаго града. Но, чтобы съ самаго начала новый градъ не сдѣлался гигантской тюрьмой, въ основу его учредительной хартіи должна быть положена неприкосновенность духовной свободы личности. И не только выражена въ буквѣ хартіи, но и воплощена во всемъ стилѣ творимой культуры. Опасность дѣйствительно велика. Для огромнаго большинства человѣчества хозяйственная дѣятельность есть единственная форма культурной активности. Утрата хозяйственной свободы можетъ повлечь за собою закрѣпощеніе и другихъ, болѣе глубокихъ сферъ жизни. Нѣтъ государства болѣе могущественнаго, нежели то, которое держитъ въ своихъ рукахъ источники матеріальнаго существованія. Большія духовныя силы должны быть противопоставлены ему, чтобы защитить духовный міръ человѣка. Подъ духовнымъ міромъ мы понимаемъ не только глубину личной совѣсти или мысли, по отношенію къ которымъ не властно никакое внѣшнее принужденіе, но и социальную сферу духа — культуру, которая возможна лишь какъ свободная гармонія личныхъ творческихъ актовъ. Передъ культурой, т. е. передъ выраженіемъ мысли и художественно-этической воли должно остановиться общество со своимъ организационнымъ планомъ. Преступна самая идея организациі культуры.

Между міромъ духовной культуры — сферой личной свободы — и міромъ хозяйственнаго и технического быта — сферой общественной организациі — лежитъ промежуточная сфера политики. Политическая свобода не имѣетъ той непосредственной цѣнности, какъ свобода культурная. Ея объемъ, т. е. зависимость гражданина отъ государства, колеблется въ зависимости отъ разныхъ историческихъ необходимостей или случайностей. Права гражданина не подлежатъ столь точному и принципиальному опредѣленію, какъ права человѣка. Глубокая экономическая перестройка общества не можетъ не повлечь

за собой измененія всего политическаго строя. Трудовое общество, весьма вѣроятно, найдеть для себя новыя формы демократіи, отличныя отъ общества буржуазнаго. Это особая, сложная тема, которой не стоитъ затрагивать попутно. Однако, вотъ что необходимо подчеркнуть со всею рѣшительностью: не можетъ быть свободы культуры тамъ, гдѣ ничѣмъ не ограждены права гражданина. Самодержавное государство — все равно, монархія или демократія — не способно остановиться передъ кругомъ духовной свободы. Прежде всего потому, что отсутствуютъ точныя грани между политикой и культурой. Правительство, пользуясь монополіей прессы или хотя бы цензурой политической печати, не замедлитъ распространить эту монополию или цензуру на научную, философскую, религиозную мысль. Опытъ современныхъ диктатуръ достаточно показателенъ. Съ другой стороны, нельзя безнаказанно унижать и самую природу политической активности. Но политика неотъемлема отъ социальной природы человѣка: она тѣсно сращена съ социальной этикой. Политика — не только борьба за интересы, права или привилегіи, но и за общественные идеалы. Отмираніе политики для огромной массы человѣчества означаетъ отмираніе социального сознанія вообще. Культуры, построенныя на отрицаніи общегражданской политики — царства Востока или Россія — обнаруживаютъ огромные провалы въ своей іерархій цѣнностей. Обидно, когда политическія страсти отнимаютъ слишкомъ много духовной энергіи. Но опытъ учитъ, что умираніе политическихъ страстей постепенно ведетъ къ угасанію и высшихъ культурныхъ энергій: къ духовному застою и «органической» окаменѣлости.

Возвратимся на минуту къ самой низшей — экономической — культурной сферѣ. Даже здѣсь полное, 100%-ое убійство свободы означаетъ убійство самой хозяйственной жизни. Безъ творчества, т. е. безъ нѣкоторой свободы работника и организатора не можетъ быть ни технического прогресса, ни даже сохраненія достигнутаго уровня. Если опытъ коммунизма имѣетъ какое-нибудь значеніе для міра, не только для Россіи, то именно, какъ опытное доказательство невозможности абсолютнаго огосударствленія хозяйства. Государство вампиръ, эксплуатирующее нищихъ рабовъ, — такова, думается, не только русская, но и мировая схема «интегральнаго» социализма. Свобода должна быть существеннымъ ингредиентомъ въ

соціалізації производства. Государство не можетъ быть единственнымъ субъектомъ хозяйства. Да и вопросъ еще: государство ли возьметъ на себя задачу хозяйственной организации или другіе органы общественности: синдикаты, кооперативы, муниципальные союзы? Этотъ вопросъ, или комплексъ вопросовъ, и составляетъ главное содержаніе соціальной проблемы нашего времени. Не индивидуализмъ и не элитизмъ въ хозяйствѣ, а неизвѣстное, искомое сочетаніе личныхъ и общественныхъ силъ — такова тема истиннаго «соціализма».

Градуация свободы въ хозяйственной жизни, градуация ея во всей культурѣ, въ соотвѣтствіи съ подлинной іерархией цѣнностей — таково заданіе новаго града, не новой утопіи, а насущнѣйшаго, практическаго дѣла современности.

Но осуществимо ли оно? Не является ли утопіей сама вѣра въ возможность разрѣшенія современнаго соціального конфликта? Мы этого не знаемъ. Даже, если бы мы и знали (т. е. предполагали) это, долгъ требуетъ напряженія всѣхъ силъ для преотвращенія гибели. Но кто можетъ сказать, что онъ знаетъ неотвратимость рокового конца? Нынѣшнее положеніе Европы очень мрачно, и, повидимому, ухудшается съ каждымъ годомъ. Но два соціальныхъ стана, на которые она распалась, станъ свободы и станъ организации, сохраняютъ приблизительное равновѣсіе силъ. Каждый изъ нихъ защищаетъ соціальную идею большого силового напряженія. Въ мірѣ не до конца изсякли идеалистическія энергіи. Горе въ ихъ раздѣленности, въ ложномъ (ибо слишкомъ однородномъ) соетаніи силъ. Необходимо новое переключеніе силъ, новая перегруппировка элементовъ. Такое переключеніе мировыхъ силъ возможно. Оно не разъ происходило въ исторіи, всякій разъ сопровождая рожденіе новой великой идеи. Идея — огромная сила въ исторіи — конечно, не всякая, не случайная, не соотвѣтствующая исторической необходимости или долженствованію. Рожденіе фашизма на нашихъ глазахъ было послѣднимъ историческимъ чудомъ идеологическаго порядка. Фашизмъ не связанъ ни съ однимъ опредѣленнымъ классомъ, ни съ одной изъ старыхъ соціальныхъ силъ. Но давъ возможность кристаллизации большою исторической идеи, выразившей почти всеобщую потребность — идеи національной организации, — онъ сталъ силой, высшей всѣхъ классовъ и самаго

государства. Старый социализм самъ былъ примѣромъ власти идеи. Онъ не столько выросталъ изъ классовой борьбы пролетаріата, сколько самъ создавалъ ее; болѣе того, создалъ самый пролетаріатъ, какъ классъ. Ослабленіе социализма въ наше время, время его большого численнаго роста, связано именно съ упадкомъ его идейной напряженности. Силы, которыя онъ велъ за собой, за знаменемъ социальной организаціи, отливаютъ отъ него въ черно-красный станъ фашизма.

Новая идея — свободнаго строительства, — которой жаждетъ погибающій міръ, можетъ оказаться безсильной и безжизненной, если ее принять разсудочно, какъ компромиссъ или синтезъ двухъ силъ. Ненавидящія другъ друга силы не примутъ компромисса. Міромъ управляютъ страсти, а не разсудочныя соображенія. И невозможенъ искусственный синтезъ противоборствующихъ органическихъ силъ, какъ невозможенъ, напримѣръ, духовный синтезъ Франціи и Германіи. Но идея свободнаго строительства или вольнаго строя можетъ явиться не отвлеченной, а органической, поскольку она рождается изъ цѣлостной религіозной глубины. Не въ созданіи новой религіи — бессмысленное начинаніе! — и не въ ожиданіи ея откровенія — надежда на реализацію идеи. Эта религія существуетъ. Она вѣчна. Въ христіанствѣ — и только въ немъ — утверждается одновременно абсолютная цѣнность личности и абсолютная цѣнность соборнаго соединенія личностей. Это достаточно выяснено русской богословской школой. Именно въ ней показаны и возможности социальнаго приложенія конкретной идеи Церкви. Правда, мы знаемъ также, что эти драгоценныя социальныя выводы до сихъ поръ не были сдѣланы. Изъ послѣдней духовной свободы не вытекала ни свобода культуры, ни свобода гражданственности. Да и положительная социальная активность Церкви сильно упала за послѣдніе вѣка. Однако именно теперь Церковь начинаетъ выходить изъ вѣковаго социальнаго «паралича». Это фактъ безспорный для всякаго, даже анти-церковнаго наблюдателя міровой жизни. И — фактъ еще болѣе значительный: новая общественная активность христіанскихъ церквей не имѣетъ никакого привкуса реакціи, какъ въ XIX или XVIII вѣкахъ. Въ нѣдрахъ христіанства рождается новое социальное сознаніе. Всего ярче оно въ англиканствѣ и нѣкоторыхъ теченіяхъ кальвинистическаго протестантизма. Особенно сильныя новыя

течения въ христіанской молодежи всѣхъ исповѣданій. Молодежь — это завтрашній день исторіи. Если судить по ея настроеніямъ о завтрашнемъ днѣ, то три силы борются за господство въ мірѣ: фашизмъ, коммунизмъ и соціальное христіанство. Соціальное безпокойство живетъ и въ католичествѣ, живетъ и въ православіи. Пусть православная молодежь русской эмиграціи соблазняется фашизмомъ. Въ самомъ православіи заложено всего болѣе основъ для свободной общественности, хотя историческія условія чрезвычайно затрудняютъ ея актуализацію. — Малое облачко на горизонтѣ. Но такое облачко несло когда-то для Иліи обѣтованіе благодатныхъ грозъ, пролившихся дождями надъ измученной отъ засухи землей.

Когда христіанство явитъ себя міру, какъ сила общественная, его малое, но крѣпкое вѣрой ядро сдѣлается центромъ притяженія и кристаллизаціи всѣхъ живыхъ въ мірѣ и творческихъ силъ. Произойдетъ великая перегруппировка. Въ первую очередь призваны къ положительному творчеству соціалистическія силы, нынѣ лавирующія бездѣйственно между либерализмомъ и коммунизмомъ, Зарожденіе религиозныхъ группъ въ социализмѣ — явленіе очень значительное и новое. Еще болѣе значительно то, что религиозныя группы въ социализмѣ проявляютъ всего болѣе соціальной (въ отличіе отъ политической) активности. Это указываетъ направленіе исторической магистрالی. Среди буржуазіи, особенно христіанской, найдутся группы, способныя поставить общественное или національное спасеніе выше классовыхъ интересовъ. Интеллигенція по природѣ и соціальной чуткости своей должна итти за мощной и творческой идеей. Новая, третья соціальная сила, подобно фашизму, не можетъ быть классовой, но всенародной. И, подобно социализму, она не можетъ быть только національной. Для христіанской совѣсти, какъ и для современнаго хозяйства, земной шаръ уже сталъ единымъ живымъ тѣломъ.

Будетъ ли такъ, мы не знаемъ. И это хорошо, что мы не знаемъ, что будущее скрыто отъ насъ. Человѣчество всегда можетъ погибнуть. И погибнуть оно можетъ на разныхъ путяхъ: въ коммунизмѣ, въ фашизмѣ или въ буржуазномъ разложеніи. Но спастись оно можетъ только въ христіанствѣ.

Г. Федотовъ.